

НЕЧИСТАЯ СИЛА

Сегодня ночевать было негде. Не было сил бродить всю ночь с вокзала на вокзал, делая вид, что ждешь поезд, пытаясь подремать с открытыми глазами на жестких привокзальных скамейках с царскими гербами. Да его уже там и заметили. Последний раз он ели уволок ноги от жандарма. Конечно, от училища на Мясницкой до площади трех вокзалов рукой подать, и если не задерживаться и быстро перебираться с Николаевского на Ярославский, а с Ярославского на Казанский, то и не заметишь, как ночь пройдет. Но страх, постоянный страх, что тебя поймают стал невыносим.

Его знобило. Пальто так вытерлось, что зимний ветер и вовсе не принимал его в расчет. Сестра Тереза, которую приютили чужие люди, сшила ватную душегрейку, и когда никто не видел, он со стыдом натягивал ее на себя. Но или вата была старая, слежавшаяся, или холод уже навсегда забрался в кости, только толку от нее и на копейку не было. Нужно было уже давно уходить, а он все никак не мог заставить себя встать, одеться и выйти на улицу в этот отвратительный промозглый, зимний московский вечер. Он дул на свои вечно мерзнувшие руки. Руки чуть согрелись, но казалось ему, что так поступая, выдувал он из себя последнее тепло. И все же здесь, в училище можно было жить. Конечно, печи уже остыли, холод лез в замороженные окна, но не добирался сюда проклятый ветер, не леденил душу слежавшийся колючий снег, на котором угрожающе приплясывал мертвенно-желтый отсвет керосинового фонаря.

Таким было лицо отца, когда он видел его в последний раз. И померещилось ему, или снилось это, что глаза отца или деда его, старого раввина печально смотрят на него из-за разрисованного морозом окна.

Скрипнула дверь. Левитан вздрогнул и торопливо выпрямился. Не просто скрипнула, выстрелила ему прямо в сердце. Конечно, он, кажется, задремал, сидя за мольбертом. Но не стоило оглядываться. Он и без того знал, что это сторож Вахромей, которого за его непримиримую суровость ученики прозвали «Нечистой силой».

Исаак торопливо заводил кистью по холсту. Но рука дрожала. Осеннее солнце на холсте не грело. Сжалась спина, хотя старался делать вид, что ничего не слышит.

Скрипучие сапоги «Нечистой силы» страшным грохотом надвигались на него. Но мальчишка не оборачивался. Размазывались по холсту отвратительные в своей грязи краски.

– Что, оглох, что ли?

Голос загрохотал, навалился, и невозможно было выдержать его тяжесть.

– Извините... Я сейчас. Заканчиваю. Минутку...

– Одному тебе минуток не хватает! Ишь, басурманская твоя душа! Чтоб духу твоего тут через секунду не было!

Страшная физиономия Вахромея свирепо смотрела на Левитана. Лохматая полуседая чуприна, редковатая рыжая борода, по-солдатски закрученные кверху усы, разросшийся вширь огромный нос с синеватыми прожилками. И еще щемящий запах каши с жареным луком.

Исаак торопливо вытирал и складывал в ящик отяжелевшие кисти. Он боялся этого вездесущего сторожа. Да и все ученики побаивались его громового голоса, могучей фигуры, тяжелых рук.

– У, бесов сын! – прокричал сторож и пошел к двери. – Б-га на вас всех нет! Порядок уразуметь не можете? Так вот.

Левитан подождал, пока хлопнула дверь, натянул пальто, неторопливо осмотрел доставшуюся ему от отца каракулевую шапку с разлохматившейся подкладкой – она была ему велика и налезала на уши и он потащился к двери.

Сил не было открыть ее и вывалиться в остуженный равнодушием чужой город. Но другого выхода не было. Он потянул за массивную медную дверную ручку. Дверь на тугой пружине выскользнула из его руки и гулкий хлопок разнесся по пустому дому.

Левитан оглянулся. Сторожа поблизости не было. И тут пронеслась дикая мысль. В одном из классов было ложное окно, расположенное высоко от пола. Он уже не раз поглядывал на него. На его подоконнике вполне хватало места, чтобы лечь. Там же стоял высокий щит. Если забраться на этот подоконник, загордиться щитом, можно прекрасно провести ночь. Прекрасно выспаться. Хоть один раз в неделю.

Левитан замер. Сторож не появлялся. Оглядевшись в полутьме прихожей, на цыпочках он снова прокрался в училище. Только бы не уронить что-нибудь в этой проклятой темноте.

Люди всю жизнь ищут счастье. Вот оно счастье. Счастье на подоконнике. Он натянул на голову пальто, надышал под него и, благостное тепло охватило душу.

– У, басурман проклятый. Ишь, Вахромея перехитрить решил! Вылазь, чудик.

Фонарь светил Левитану в лицо, а грозный голос перекатывался гремющими булыжниками по пустому классу. Сколько он проспал? Может минуту, может час? Мальчишка спрыгнул с подоконника, ста-

раясь отвернуть лицо от бесстыдно режущего глаза фонаря. Ничего не сказав, Исаак, даже не надев пальто побежал к двери.

– Стой! – заорал сторож.

Левитан остановился, но поворачиваться к сторожу не стал. Вахромей обошел его, оглядел с головы до ног и приказал:

– Идем!

Бежать. Бежать ото всех. Бежать и умереть. Но бежать было некуда. Вахромей уже, конечно, закрыл входную дверь на ключ. И Левитан не двигался с места. Он врос в этот пол, в эту землю, на которой у него нет даже самого ничтожного пристанища.

– Господин ученик, – каким-то уже другим голосом сказал сторож. – Ко мне пойдем.

Он шел за кругом фонаря, стараясь изо всех сил остановить не к месту появившиеся слезы. Никто не должен был видеть его слез и глаза стали сухими.

В комнате сторожа обдало жарким теплом. Это мешало. Это расслабляло и вгоняло в проклятый сон.

– Садись, – сказал сторож.

Он сел на лавку и огляделся. Убогая комната. Широкая лавка, железная койка, непокрытый деревянный стол, два старых стула и какой-то допотопный шкафчик, видно, кем-то выброшенный и подобранный сторожем.

– Сколько дней не ел? – спросил сторож.

– Что? – не понял Левитан.

– Сколько дней не жрамши, спрашиваю?

– Обедал, вырвалось у Левитана.

– Гордый. Во кровь-то у вас какая.

– Не имеете права! – закричал Левитан. У меня право на жительство.

– Ладно, права твои, сиди вот...

Не обращая внимания на мальчишку, старик отвернулся к нему спиной, присел у печки, поковырял там ухватом и вытащил оттуда закопченный чугунок. Поставив чугунок на стол, он достал из шкафчика миску, деревянную ложку и стал неторопливо накладывать в миску дымящуюся кашу. Невозможно было смотреть на это. Левитан отвернулся и прикрыл глаза. Было некуда деться от всепроникающего запаха.

– Ешь! – зарычал сторож.

Левитан вздрогнул, но к старику не повернулся.

– Спасибо, обедал, – сказал он, стараясь как можно громче выговаривать слова в пустоту комнаты.

Руки сторожа опустились на плечи Левитана. Легко, как пушинку повернул он его к столу.

– Не побрезговай хлеб-солью моей. Убери гордыню свою.

Мальчишка с удивлением посмотрел на старика. Он никогда не видел его таким. Это был совсем другой человек. И лицо не страшное. И усы не прощупывали человека насквозь. И в глазах только стариковское одиночество. И все же ложку в руку не брал и к миске не прикасался.

– Запомни-ка. Рука дающего не оскудеет. А, что от души дано, то душой и приняться должно...

– Обедал я, спасибо, – прошептал Левитан.

– Знаю я все про тебя, малец. Знаю, что по три дни крошки во рту у тебя не бывает. Знаю, что тебе на бедность ученики копейки собирают. Знаю, что «Нечистой силой» меня зовете. Тоже придумали. Не обижаюсь. Знаю, что большим талантом тебя нарекают. Да не в этом дело. Сам вижу, кому какая судьба надлежит. Видел я вас перевидал. Думаете, он, Вахромей, дубина стоеросовая? Да? А я, что знаю, молчу, потому говорил бы много и своего угла бы не было. Уж, что пережил, то пережил. Все в себе таю. А тебе скажу. Знаменит будешь. Но трудно тебе придется. Ох, трудно. Да, ешь ты, басурманский сын.

Левитан осторожно придвинулся к столу. Взял ложку, зачерпнул чуть-чуть каши, чтоб ни подумал, что голодный, поднес ко рту. Каша была удивительно вкусная и не только миски, но и всего чугунок не хватило бы ему, но он не торопился, долго жуя и без того разваренную кашу.

Сторож опять полез в свой шкафчик, достал оттуда начатый штоф водки, поставил два лафитника. Один налил полный, другой наполнил до вина.

– Выпей вот. Кровь разбежится, легче будет.

– Не пью я...

– Ладно, ешь так. Коли не потребляешь, так может и ничего. Знаю, вся ваша порода не употребляет...

– При чем тут порода. – Левитан оттолкнул от себя миску.

– Да, не обижайся ты. Это я так, к слову... Дурного в том не вижу.

Старик не спеша натер корочку хлеба чесноком, посолил и не выпуская закуски из левой руки, поднял лафитник.

– Вот, за твое счастье пью.

– Спасибо, Вахромей Иванович...

– То-то... А ты доедай, доедай. Каши хватит... Точно чувствовал, что гость будет. Вот, столько и наварил.

Левитан придвинул к себе миску. Отказаться от каши было невоз-

можно. Завтра предстоял такой же голодный день.

Вахромей выпил. Долго и аппетитно жевал свою корку. Поглядел на штоф, подумал. Налил себе еще и молча выпил. Вытер тыльной стороной ладони усы и уставился на Левитана.

– Вот, что я тебе скажу, малец. Откажись ты от своей веры. Не хочешь креститься, лютеранство какое прими. Знаю, делают так ваши. При твоём таланте, как сыр в масле кататься будешь. Жалко тебя, сиротку.

Левитан не донес до рта ложку. Бросил ее в миску.

– Не сердчай. О тебе забочусь. Знаю, что ни отца, ни матери у тебя нет. Кто тебя осудит, если жизнь свою спасаешь...

Левитан вскочил, схватил лежавшее на лавке пальто.

– Спасибо за угощение, – крикнул он и бросился к двери.

Но Вахромей оказался не менее быстрым. Он обхватил его за плечи, повернул к себе.

– Ну и кровь у тебя... А вот, что я тебе скажу. За то, что не хочешь ради сладкой жизни променять веру отцов своих, уважаю. Так вот. Кидай пальтишко свое. Сейчас на лавке постелю тебе. Отдыхай на здоровье. И помни, когда некуда итить будет, сюда приходи.

Левитан как-то обмяк весь. И ноги, как чугуном налились. Почти грохнулся он на брошенной на лавку тулуп и еще не прикоснувшись головой к подушке уже спал.

29.11.1983